

политика

В.С. Мартьянов

МОДЕРН И РЕВОЛЮЦИЯ¹

Виктор Сергеевич Мартьянов — кандидат политических наук, доцент, врио директора Института философии и права Уральского отделения РАН (Екатеринбург). Для связи с автором: martianovy@rambler.ru.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ (грант № 18-011-00211 «Общественное согласие в России: механизмы идеологической и институциональной регуляции»).

Аннотация. Революция — это одновременно легитимирующий и отрицаемый центр идеологических координат Модерна. По скорости социальных перемен историческую эволюцию Модерна от раннеиндустриальной, классово-национальной политической формы к позднему, или глобальному, состоянию трудно описать иначе, нежели как *революцию низкой интенсивности*. Вместе с тем эта перманентная модернизация не революционна в том смысле, что периодические расколы элит, элитные перевороты, национально-освободительные движения и т.п. сами по себе не предполагают принципиальных изменений ценностно-институциональной конституции современного политического порядка. Соответственно, возможность новой революции обусловлена потенциальным отказом современного общества от разворачивания революции Модерна в пользу альтернативного утопического политического проекта, превосходящего действующую конфигурацию социальных сил с точки зрения своей способности к политической легитимации, универсализации и тотализации. Если капитализм, легитимирующий его либеральный консенсус и нация-государство как доминирующий формат их синтеза являются ценностно-институциональной квинтэссенцией политического порядка Модерна, то именно вызовы свободным рынкам, либерализму и национализму и будут наиболее очевидным способом кристаллизации революционных движений. В настоящее время, несмотря на постмодернистскую и неолиберальную критику либерального консенсуса, растущий популизм, ставшие очевидными пределы рыночной модели капитализма, изъяны представительной демократии, ослабление социального государства и иные вызовы политическому порядку позднего Модерна, речь идет скорее о его внутренних трансформациях, нежели о полноценной альтернативе этому порядку. В перспективе серьезная (и, возможно, революционная) его коррекция может стать следствием усиливающейся рентной перестройки капитализма.

Ключевые слова: революция, политический порядок, Модерн, мироэкономика, политический субъект, консенсус, рентное общество

Введение

Примечательной особенностью философско-политической мысли современных обществ является отсутствие общей теории революции. Чаще всего ее подменяет анализ конкретных исторических событий в отдельных

социумах, которым а posteriori присваивается статус *революции*. Эти события сравниваются между собой в надежде обнаружить в них общие черты, выявить некие *волны* и *этапы*, которые и составят образ революции *per se*. Выделяются либо марксистские *универсальные* законы и *борьба классов* как двигатель истории, либо критические фоновые факторы жизни общества (демографическое давление, инфляция элит, плохие институты и т.д.), которые *неизбежно* ведут к слому политического порядка. Революции связываются с дефолтом государства по обязательствам перед населением или кризисом его дееспособности, что запускает неподконтрольные элитам широкие социальные движения. Правда, все эти «правила» почему-то выводятся из исторического опыта только западных обществ².

² Голдстоун 2015;
Скотчпол 2017.

Революцией оказываются кратковременные экстраординарные коллективные действия, корректирующие скорость реализации закономерностей политического процесса, но существенно не меняющие сами эти закономерности³. Иногда революцией некритично называют любое изменение политического порядка, особенно если оно происходит *вне* и *помимо* принятых в данном обществе процедур передачи власти. Отсюда возникает великое множество *революций с прилагательными* (консервативная, социалистическая, оранжевая, бархатная революция, революция роз, гвоздик, кедров и т.д.). Наконец, революция объявляется не более чем метафорой, применение которой к политике отдается на усмотрение каждого конкретного автора⁴. В цивилизационной парадигме Шмуэля Эйзенштадта революция рассматривается как разрешение противоречий между мирским и сакральным порядком, периодически накапливающихся в различных цивилизациях, в пользу той или иной ценностной альтернативы, которая едва ли может быть универсальной для всех цивилизаций⁵. Понятно, что при таком подходе общая теория революции невозможна по определению.

³ Тилли 2009.

⁴ Бляхер
и Говорухин 2006.

⁵ Эйзенштадт
1999.

Методологические проблемы с определением революции возникают и потому, что революция неотделима от политического порядка Модерна в рамках базовой бинарной оппозиции структура/агент (институт/субъект). В подобном методологическом контексте революция может трактоваться двояким образом. Либо она рассматривается как нарушение правил (исключение), состоящее в прерывании институциональной инерции. Тогда наши методологические предпочтения оказываются на стороне субстанциональных структур и институтов. Либо она интерпретируется как демиург социальной реальности, порождающий структуру политического порядка и затем материализующийся и умирающий в этих структурах как последствие порождающего импульса революционного субъекта. Тогда история превращается в последовательность сменяющих друг друга революционных субъектов. Эта методологическая оппозиция не поддается окончательному разрешению, поскольку своими коллективными практиками агенты постоянно создают институты, а те детерминируют агентов⁶. Если мы исходим из того, что Модерн рожден революцией, то это неизбежно усиливает

⁶ Wight 2006.

субъектную парадигму общественных наук, расценивающую социальные изменения как благо и легитимируемую идеей прогресса. Но если мы видим в политическом проекте Модерна развертывание революции во времени и пространстве, переход от домодерного к модерному обществу, то альтернативой такому взгляду может быть только полное прекращение длящейся революции Модерна.

Однако политический проект Модерна претендует именно на то, чтобы стать *бесконечной революцией*. Ведь он есть революция не только по отношению к тому, что ему предшествовало. Дальнейшее существование безальтернативного Модерна предполагает постоянную революционность общества в отношении самого себя, порождая все новые его вариации взамен отвергнутых. Отсюда постоянные дискуссии о смене поколений и форм, о разнообразии версий Модерна, в котором мы пребываем, а также о цене прогресса и целесообразности постоянных изменений, являющихся сущностным свойством Модерна. Соответственно, революция всегда играет двойственную роль по отношению к Модерну, выступая в качестве и основания современного политического порядка, и вечной угрозы ему. При этом Модерн тоже предстает как парадоксальный, постоянно упраздняющий себя (или, по крайней мере, постоянно предпринимающий революционные попытки такого упразднения) политический порядок: «Термидор революции не прекратил, а лишь увековечил кризис. Гражданская война не завершилась, она стала частью понятия современности. Сама современность определяется кризисом, кризисом, порожденным непрекращающимся конфликтом между имманентными, конструктивными, созидательными силами и трансцендентной властью, стремящейся к восстановлению порядка»⁷.

⁷ Хардт и Негри
2004: 82.

Политический проект Модерна как перманентная революция

Если революция порождает Модерн как длящееся событие, в неокончателности которого мы находимся, универсальное суждение о природе революции заведомо невозможно в силу двойной ангажированности наблюдателя. С одной стороны, мы пребываем внутри Модерна как продолжающейся революции; с другой — революция, развертывающаяся как Модерн, далека от своего финала, продолжая претерпевать различные трансформации. Дать окончательное, эссенциальное заключение по поводу феномена, который пространственно-исторически еще не завершился, — задача, неразрешимая по определению. Таким образом, теория революции отвечает на более узкие вопросы: (1) о преобразовании домодерного общества в модерное и (2) о последующем его совершенствовании в ходе самонастройки Модерна.

Во-первых, в своем временном измерении революция предстает как самопорождаемый феномен, который в ходе собственного развертывания обнаруживает и даже в определенном смысле пробуждает включенных в него субъектов, их свободу и последующую логику взаимодействий⁸. Революция является восстанием разума, стремлением не просто исправить недостатки и злоупотребления действующего политического

⁸ Капустин 2010а:
118—122.

порядка, но разрушить его полностью, что невозможно без рационального проекта тотальной утопии. Во-вторых, революция — это коллективная практика утопии, когда субъекты обнаруживают, что их мотивация к изменению правил совместного существования сильнее лояльности к действующему политическому порядку. В-третьих, революция — это учреждающее новый порядок радикальное насилие, выходящее за пределы политики, нацеленной на тотальный контроль, отсрочку и регулирование этого насилия: «теории войн, как и теории революций, могут иметь дело лишь с объяснением насилия, но не с ним самим»⁹. Соответственно, любая объяснительная теория революции возникает лишь задним числом, когда всплеск спонтанности и хаоса превращается в новый регулярный ценностно-институциональный порядок, позволяющий осмыслить полученный опыт. Поэтому и само знание о революции во многом обусловлено включенностью мыслителя в это событие. Поскольку революция связана с реализацией свободы охваченных ею субъектов, предварительное планирование и подготовка к революции, выявление неких факторов и закономерностей, которые неизбежно приведут (или не приведут) к ней, вступают в прямое противоречие с ее спонтанностью, ломающей вместе с предшествующим порядком и все планы будущих революционеров и их оппонентов. Отсюда вытекает невозможность общей, универсальной теории революции¹⁰. Революция — основополагающее и вместе с тем парадоксально *пустое* понятие, не имеющее ни одного субстанциального определения или самоочевидного атрибута. Большинство попыток ее осмысления закономерно оканчиваются либо обращением к истории самого понятия «революция», либо довольно пространными, в том числе сравнительными, описаниями исторических событий, относительно революционного характера которых сложился устойчивый консенсус. Революция может рассматриваться как момент в реализации некоего всеобщего замысла в виде божественного провидения, абсолютной идеи или прогресса,двигающего историю. Но она может трактоваться и как способ прерывания предшествующей истории, перенаправления ее по другому пути; как развилка, обуславливающая окончательную и сущностную необратимость новой социальной реальности, даже если некоторые элементы старого порядка потом воссоздаются вновь.

В политическом проекте Модерна революция есть сакральная точка отчета, к которой сходятся все идейные координаты базового либерального консенсуса, своеобразный событийный аналог Рождества Христова в христианской хронологии. Она открывает и поддерживает трансцендентное, божественное измерение, не позволяющее политическому порядку Модерна обрести законченную автономию *имманентного политического*, способного действовать, по мысли Святослава Каспэ, лишь в логике дисциплинарного Паноптикона¹¹. В то же время она выступает как общая воля людей применительно к их общей судьбе в конструируемой ими же истории, освобожденной от ссылок на божественные предустановления. Как справедливо заметил Хосе Ортега-и-Гассет,

⁹ *Арендт 2011: 16.*

¹⁰ *Канустин 2010а: 119.*

¹¹ *Каспэ 2020.*

¹² *Ортега-и-Гассет*
2016: 133.

«отнесение восстаний средневековых селян и горожан к предвестиям революций Нового времени свидетельствует о полном отсутствии исторического чутья. Между ними нет почти ничего общего. Восставая, средневековый человек восставал против злоупотреблений господ. Революционер, напротив, восстает не против злоупотреблений, но против порядка вещей»¹². Революция создает *гетерархию* и *гетеротопию*, легитимирует альтернативные источники и локусы власти как условие значимых общественных изменений, но она не в силах поддерживать стабильный политический порядок, сопряженный с повседневным регулированием конфликтного пространства индивидуальной и коллективной свободы. Соответственно, «всю историю современности как историю разных обществ, столкнувшихся с „абсолютной самостоятельностью“ индивида, можно представить в виде серий удачных и неудачных попыток достичь и поддержать общественный порядок»¹³.

¹³ *Канустин* 2010б:
587.

Революция является порождающим событием, но она не дает конечного ответа на вопрос, как возможно последующее поддержание современного политического порядка, где изначальные принципы максимизации и коллективной, и индивидуальной автономии входят в бесконечные противоречия между собой и генерируют массу конфликтов, разрешение которых определяется лишь устойчивой институциональной поддержкой иерархии ценностей и интересов в обществе. История политического порядка Модерна показывает, что пересмотр и воссоздание социальных иерархий и компромиссов идет постоянно. Революция как метафора отсылает к мгновенному преображению, воскрешению и новой жизни, представляя как грезившийся хилистам моментальный коллективный переход в земной рай или (в трактовке более поздних идеологов) как рациональный план воплощения утопии. Вместе с тем в постоянном движении и обновлении поколений, технологических укладов, социальных групп, доминирующих ценностей и интересов она ничего не устанавливает окончательно. Поэтому она никогда не достигает своих финальных целей, связанных с тотальным изменением человека, общества и государства. Ввиду расслоения субъектов революции в ходе ее развертывания решение наиболее радикальных задач оказывается сопряжено с террором, чистками и взаимным уничтожением революционеров, стремящихся монополизировать революционную версию разума как новое основание власти. При реализации претензии революционного субъекта на монополию новый политический порядок становится тоталитарным, однако чаще в обществе достигается компромисс между восходящими и уходящими классами, и на смену одним социальным противоречиям приходят другие. В любом случае темпоральное развертывание революции приводит к тому, что политический субъект революции инструментально встраивает ее в новые структуры политической гегемонии. Революционные субъекты захватывают властный аппарат государства, но логика воспроизводства политического порядка рано или поздно накрывает их самих, и в своих попытках

зафиксировать и рутинизировать достижения революции революционеры превращаются в новую бюрократию.

Революция порождает модерный политический порядок, предлагая альтернативные основания для насилия, морально более убедительные, чем те, которыми оперировал порядок сословно-феодальный. Таким образом, именно она является началом и сакральным центром политического проекта Модерна. И только она может стать новым *абсолютным событием*¹⁴, вытесняющим Модерн в пользу тотальной альтернативы; событием, обновляющим саму систему современных идеологических координат, фундированную *либеральным консенсусом*, о котором писал Иммануил Валлерстайн¹⁵. В процессе институционализации Модерна революция неизбежно переосмысливается. Из учреждающего события она — с позиций все того же либерального консенсуса — превращается в политический экстремизм, угрожающий современному политическому порядку. Соответственно, Модерн конституируется и легитимацией, и одновременно отрицанием породившего его события революции, разрушившей Ancien régime. Если привычный политический порядок зиждется на легитимном насилии, то революция выступает и как основание Модерна, и как неустранимый вызов ему. Она на практике подтверждает модерный тезис, что социальный порядок не вечен. Будучи делом рук человеческих, результатом взаимодействия конечных и несовершенных индивидов и коллективностей с их особыми интересами, он не может стать завершенным и окончательным, а его законы — абсолютными и неизменными. Чтобы это произошло, люди должны жить вечно, без ротации поколений и движения истории.

Вместе с тем институционально Модерн — лишь производная от породившего его революционного события. Революция предстает как трансцендентный центр Модерна, который полностью ему не принадлежит, а потому ускользает от попыток полного контроля. Но в то же время данный центр легитимирует модерный политический порядок из сакрально-символического пространства, где не действуют рутинные процедуры легитимации. И вопрос о разрушительном/созидательном вторжении (возвращении) этого трансцендентного центра в политический порядок Модерна остается постоянно открытым. В связи с этим указанный порядок как эпифеномен революции стремится обрести независимость от нее с помощью всевозможных институтов и процедур, обеспечивающих его повторяемость, неизменность и вневременную самоожесточенность.

Можно сказать, что Модерн после учреждающей *революции-события* представляет собой ту же самую революцию, но развернутую в долгом историческом времени, — *революцию низкой интенсивности*. Это волновая революция, продолжающаяся после породившего ее «Большого взрыва» и связанная с бесконечными изменениями и перенастройками ценностно-институционального ядра нового общества. Но если базовая легитимность политического порядка Модерна всегда отсылает к революции, к тому, что мы продолжаем жить внутри этого

¹⁴ Филиппов 2006: 108.

¹⁵ См. Валлерстайн 2003.

развертывающегося исторического события, опосредованного множеством лет и поколений, возникает закономерный вопрос: что вообще может являться революционным изменением *здесь и сейчас* на фоне того, что современное общество фундировано традицией прогресса — постоянных улучшающих изменений — как социальной нормой? Современным обществам уже не требуются тотальные революции. Важнее становится поиск более тонких социокультурных настроек, обуславливающих эффективность прогресса каждого конкретного общества. В такой системе ценностных координат абсолютом может быть только само изменение как ценность.

Новую *мораль изменений* Модерн противопоставляет привычной *морали традиции*, при этом усиленно защищаясь от любых других радикальных изменений, способных разрушить новый мир. Согласно Жану Бодрийяру, Модерн «вызывает кризис ценностей, моральные противоречия. Тем самым в качестве идеи, посредством которой цивилизация себя познает, Модерн присваивает функцию культурной регуляции, окольным (обманным) путем присоединяясь через нее к традиции»¹⁶. Здесь возникает образ Модерна как новой традиции контролируемых трансформаций социально-политического порядка. В данном контексте истинной революцией будет лишь тотальный отказ от политического проекта Модерна. Пока же вместо тотального отказа можно наблюдать лишь *ограниченные утопии*, вызванные к жизни внутренними противоречиями Модерна, но вряд ли имеющие шансы стать его потенциальными альтернативами. Таковы, например, логики постмодернизма, выступающие не более чем формой интеллектуальной самокритики и самокоррекции позднего Модерна¹⁷.

¹⁶ Baudrillard 1985: 424.

¹⁷ Мартыанов 2012.

Революции внутри Модерна

Классические революции были направлены на слом сословно-монархического порядка, не обладавшего внутренними условиями и механизмами реформирования в ходе нарастания системных противоречий социальной структуры и фоновых христианских ценностей, размываемых практиками капитализма. По справедливому замечанию Ортеги-и-Гассета, «политика средневековых „буржуа“ заключалась в том, чтобы противопоставлять привилегиям благородных точно такие же привилегии. Городские гильдии и коммуну славились своим узким, подозрительным и эгоистическим духом даже в большей мере, чем феодалы»¹⁸. Революция стала возможна только в новом линейном времени прогресса (радикально развивающим потенциал христианской историософии), где присутствует дискурс утопии как альтернативного будущего, которое можно реализовать в пространстве коллективной свободы. Это означало окончательный отказ от циклических концепций времени, где будущее предзадано, а повторяемость аграрных циклов и времен года исключает значимые различия, которые позволяли бы отделять прошлое от настоящего и будущего как принципиально иных состояний общества. В подобном контексте Ancien régime все еще имел в своем

¹⁸ Ортега-и-Гассет 2016: 138.

сакральном политическом центре предустановленную *божественную традицию*, отвергнутую рационально-утилитарным и либеральным Модерном.

Все последующие революции внутри Модерна носили ограниченный характер. Они либо сводились к победам наций в борьбе за суверенитет и независимость, либо представляли собой контрреволюции в виде частичных откатов к Ancien régime, либо архаизировали Модерн (нацизм и фашизм), либо оборачивались не более чем ротацией элит и апгрейдом уже существующей в данном обществе версии Модерна. Будь то советский или поздний Модерн либо различные варианты множественной современности, во всех случаях получалась новая саморегулируемая система, черпающая легитимность в исходном акте своего творения, как, например, в СССР, где рациональное объяснение революции в целом вписывалось в логику фонового либерального консенсуса в качестве его радикальной коллективистской разновидности, когда коллективная автономия серьезно теснит автономию индивидуальную. Так называемые «цветные революции» в условиях позднего Модерна не предполагают аналогичного уровня системного развертывания альтернативного политического проекта, являясь, по сути, дискурсом *культурного ремонта*, i.e. оптимизации, реформирования или коррекции либерального консенсуса и онтологии капитализма, но никогда — прямого отказа от них.

Строго говоря, борьбу за суверенитет, распады империй, политические перевороты, переходы к другим версиям/моделям Модерна, как и десятки прочих политических конвульсий конкретных современных обществ, едва ли правомерно именовать революциями — даже если благодаря символической политике элит и конструированию новой коллективной памяти они становятся паллиативной точкой отсчета в хронологии нового политического режима. То есть после слома Ancien régime новых революций человечество фактически еще не испытало. Значимые трансформации отдельных обществ были связаны преимущественно с глобальным переходом к Модерну, а затем к его поздним ценностно-институциональным версиям. Другими словами, историческая трансформация проекта Модерна пока не привела к его революционному *вытеснению* альтернативным политическим проектом, несмотря на все фундаментальные различия между раннеиндустриальным, классовым и национальным Модерном и его позднейшими версиями в виде второго, глобального, радикального, текучего или сингулярного Модерна.

Отказавшись от опоры на традицию, ценностный центр политического порядка Модерна обретает динамический характер. Институционально он постоянно корректируется под влиянием партий, идеологий, классов, государств, регионов и бесконечных согласительных процедур — взаимодействий различных органов и ветвей власти, выборов, референдумов, публично-политической и профсоюзной деятельности, массовых коммуникаций, международных контактов и др. Все

эти субъекты влияния сами по себе амбивалентны: они могут и поддерживать, и изменять, и разрушать либеральный консенсус, лежащий в основании Модерна. Более того, все эти партикулярные субъекты претендуют на идеологическую репрезентацию целого. Поэтому в современных обществах центр всегда расколот и неявен, оставаясь предметом постоянных дискуссий и торга. Однако любая серьезная опасность, катастрофа или угроза ведут к мобилизации общества, в ходе которой ценностный центр проявляется и консолидируется.

¹⁹ Луман 2006.

Постреволюционная стабилизация современного общества достигается через последовательную дифференциацию и автономизацию социальных подсистем, с тем чтобы возникающие внутри них конфликты решались на нижнем и среднем уровне, не генерализуясь и не охватывая в итоге всю общественную систему¹⁹. В каждой подсистеме общества — политике, экономике, праве, искусстве и т.д. — вырабатываются особые механизмы согласования интересов и частичных, постепенных изменений, предотвращающих революционные сценарии. Лежавшая в основе политического порядка феодальная (вотчинная) властесобственность оказывается разделена на автономные сферы, где частная собственность впервые становится относительно независимой от власти, а та перестает быть эквивалентом собственности. В итоге политика как *игра с нулевой суммой*, когда победитель получает все, превращается в способ перманентного согласования интересов на известный заранее временной период²⁰. Возможность пересмотра условий социального консенсуса посредством властных ротаций и выборов заметно смягчает остроту социальных конфликтов, ограничивая возможность их тотализации. Важную роль в сглаживании политических противоречий Модерна играет разделение элиты на выборную и функциональную (бюрократию), позволяющее совмещать повседневное функционирование государственного аппарата с постановкой стратегических целей, связанных с согласованием интересов доминирующих социальных групп. Процессы системной дифференциации закономерно ведут к тому, что в условиях растущей автономии частной жизни и структурной автономии общественных подсистем, ограничивающих область политического, современные граждане все реже возлагают свои надежды на революцию.

²⁰ Анкерсмит 2006.

Актуальная проблема современных политических сообществ состоит в неизбежной девальвации в глобальном мире скрепляющих ценностей наций-государств, при том что нации остаются главными бастионами сопротивления неолиберальной логике глобализации, как правило противоречащей долгосрочным интересам большинства и обостряющей социальное неравенство внутри обществ. А ценности, которые все активнее рационализируются и профанируются, утрачивают способность служить импульсом основанным на них институтам. Критика национальных политических ценностей, осознание их идейно-исторической ограниченности ведут к появлению конкурентоспособных альтернатив, которые более универсальны и общезначимы, чем то, что они подрывают.

Модерный политический порядок всегда содержит в себе зерна будущей революции, однако постоянно накапливающиеся внутренние противоречия не достигают критического уровня. Как представляется, его адаптивность к революции объясняется именно тем, что, не являясь заложником неизменного центра-абсолюта, он постоянно меняется в соответствии с текущей реконфигурацией социальных сил — институционально, ценностно, экономически, риторически. Аппелляция к революции (в случае власти — легитимирующая и риторическая, в случае ее оппонентов — критическая и практическая) приоткрывает пространство утопии политического порядка Модерна, доказывая, что он еще способен длиться и совершенствоваться в публичных лабораториях и непредсказуемых социальных экспериментах, а значит, его рано упразднить в пользу альтернативного проекта. Поэтому революционные вызовы — культурные, экономические, политические — просто не могут накопиться в достаточном для своего революционного разрешения объеме. Гибкий политический порядок либо устраняет исходные причины социальных волнений, либо инкорпорирует новые социальные силы, либо претерпевает общую перекофигурацию, в ходе которой значимые социальные группы добиваются признания и «места за общим столом», устанавливая новое равновесие.

Революция как событие, необратимо и тотально меняющее общество, становится все большей абстракцией в глобальном мире позднего Модерна. Сложные процедуры инструментальной, повседневной легитимации политического порядка (выборы, референдумы, ротация элит, согласование классовых и/или гражданских интересов и др.) превращают революцию в ритуальную политическую отсылку. Ведь революция — это непредсказуемое событие, необратимо меняющее сам фундамент социально-политического порядка и выходящее из-под контроля действующих элит, даже если те прямо или опосредованно взывают к революции как к собственному идейному и историческому основанию. Символический капитал любой свершившейся революции закономерно оборачивается обоюдоострым оружием. С одной стороны, к ней можно апеллировать как к трансцендентному основанию политического порядка, с другой — она невольно указывает на историчность этого порядка, обнаруживает, что он не вечен, уязвим, что он когда-то был сконструирован и в перспективе может быть преодолен. Если общество обеспечивает приемлемую для большинства институциональную взаимосвязь противоречивых коллективных интересов, то революция — это тупик институционального согласования групповых интересов в рамках сложившихся практик и традиций. В отличие от всех прочих форм социальных изменений, она производит тотальную реконфигурацию и переоценку не только классовых интересов, но и самих способов их согласования и достижения консенсуса, позволяющего поддерживать предсказуемый порядок взаимодействий.

Но если так, то логика государства и логика революции находятся в неразрешимом конфликте. В основе революции лежат фундаментальные

отклонения от социального равновесия, быстрые сдвиги в социальной структуре, происходящие в результате развития и экономического роста, повышающих социальную мобильность, неравенство и претензии новых социальных групп. Однако резкие отклонения от равновесия могут быть вызваны и войнами, кризисами и длительной стагнацией, усиливающими мотивацию к изменениям. Привычные социальные роли, соглашения, институты и взаимные обязательства теряют свою императивную силу для значимой массы маргиналов и восходящих социальных групп как в том, так и в другом случае.

Революция предстает как запуск тотальной самоорганизации общества при переходе к новому социальному равновесию, правилам и институтам. Запускающими факторами становятся дефолт, сбой, распад и делегитимация государства (политического порядка). Возникает пространство коллективной свободы для реализации разнообразных политических утопий и новой сборки государства. Но по своей способности к политической легитимации апелляция к политическому порядку (конституции, закону, традиции) как базовой, безусловной ценности сопоставима с революционными призывами к его свержению. Более того, при дееспособном государстве, то есть на протяжении подавляющей части истории, ценности сохранения порядка превалируют в глазах граждан. Как следствие, фиксация результатов революции всегда связана с компромиссами, крушением и/или предательством утопий в пользу реакции и разнообразных консервативных откатов. Все это закрепляет новый политический порядок, восстанавливающий государство как торжество договорных решений. Подобные решения, не устраивая в принципе ни одну из социальных сил, оказываются приемлемыми для них как способ положить конец изнурительной борьбе за новую утопию или старый порядок. Рано или поздно государство вновь осознается в качестве незаменимого общественного блага и *большого брата*, эволюционно наследующего функции государства как *непререкаемого строгого отца*.

В условиях глобальной мироэкономики позднего Модерна возможность классической революции в масштабах отдельных государств вызывает обоснованные сомнения. Национальные сообщества все чаще становятся лишь частными моментами в движении общих фоновых процессов, связанных с демографическими, технологическими и институциональными преобразованиями позднемодерных обществ. И здесь уже не столь важно, какие именно социальные силы запускают в конкретном обществе механизмы общественных перемен — контрэлиты, маргиналы, прекариат, рабочие, средний класс, освободительные движения, те или иные меньшинства и т.д.

В данной перспективе любое государство может рассматриваться лишь как начальная площадка для глобальной *перманентной революции*. Эта ключевая идея была пронесена левой политической мыслью через весь XX в. Но проблема скорее в другом: можно ли инициировать революцию в ситуации, когда национальные элиты и большинство

граждан как никогда в истории близки по своим человеческим качествам, правам, образованию, морали? Соответственно, революция и как концепт, и как событие все больше превращается в метафору. Революция постоянно оборачивается отсрочкой, сопоставимой с вечностью. Кроме того, *большая революция* распадается на *множество революций* в области морали, культуры, науки, техники и т.д.²¹ Одновременно усиливается процедурная легитимация изменений современной традиции в виде непрерывной перенастройки ценностно-институционального ядра позднемодерного общества. Эта настройка ядра политического порядка непрерывно корректируется в целях профилактики нарастания внутренних противоречий.

²¹ Собственно, именно поэтому в позднем Модерне и не нужны Революции с большой буквы.

Проблема революционного субъекта

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что революции непосредственно не рожают политико-экономический и культурный порядок Модерна. Они создают новых индивидуальных и социальных субъектов, которые вследствие своей внеположности Ancien régime в состоянии творить другой порядок. Однако становление и укрепление нового политического порядка будет неизбежно связано с трансформацией и угасанием революционных субъектов. Конструирование утопий — это историческая миссия своего рода политических демиургов, которые в силу своей внеположности старому и новому порядкам, своей *промежуточности* на историческое мгновение ощущают себя всемогущими. Соответственно, способность политического порядка позднего Модерна достаточно легко предотвращать новую революцию не в последнюю очередь обусловлена эрозией былых социальных демиургов. Внеположные как Модерну, так и до-Модерну политические субъекты исчезли, а нынешние доминирующие субъекты всецело находятся внутри Модерна. И пока непредсказуемая катастрофа, стечение многих обстоятельств не вырвет часть людей из Модерна в качестве новых демиургов, у них не появится и новой субъектности, которая возникает именно во время революции. Отсюда и отсутствие условий для появления полноценных утопий, ибо утопии не предшествуют революциям, а конструируются в их процессе тем самым новым субъектом. Бесспорно, до революций существуют политические *дискурсы перемен*, как, например, идеи Жан-Жака Руссо, Вольтера и энциклопедистов, но они служат лишь предварительным материалом для формулирования революционных утопий. «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» был написан маркизом де Кондорсе только в ходе развертывания Французской революции²², а ключевые современные идеологии оформились лишь по итогам последующей рефлексии революционного перехода в новое общественное состояние.

²² Кондорсе 2011.

Иными словами, перспективы революции как воспроизводства альтернативы Модерну тесно связаны с возможностями дальнейшей репродукции идеологий и утопий, тотализирующих социальную реальность (в трактовке Фредрика Джеймисона²³) в структурах группового

²³ См. Jameson 1988.

опыта. Тотализация порождает определенный образ общества, ориентированный на восстановление его целостности (даже если полученные *когнитивные координаты* воспринимаются другими интерпретаторами как субъективные, уязвимые и идеологические). Создание идеологий и утопий как способ когнитивного картографирования позволяет возродить субъектность и идентичность социального класса, в том числе посредством выявления и представления его социальных координат относительно других классов. И наоборот, логика предотвращения революции проявляется через попытки убрать конфликтное и классовое содержание из политики, заменив его различными паллиативами в виде *homo economicus*, метафор естественного рынка и различных теорий модернизации. Это стремление внедрить универсальные стандарты во все сферы жизнедеятельности, освободить их от исторических традиций и культурных контекстов. На практике радикальный либерализм и социализм оборачиваются подавлением сложности и автономии современных подсистем общества, подавлением самой свободы граждан.

Однако при более внимательном взгляде обнаруживается, что теории модернизации и демократического/рыночного транзита, с одной стороны, и цивилизационный дискурс о непреодолимости культурных различий и колее традиций, с другой, выступают лишь вынужденными суррогатами классовых идеологий в ситуации ослабления и шизофренизации привычных политических субъектов Модерна. Эти дискурсы существуют не для того, чтобы понять общество, по отношению к которому они используются, но для того, чтобы сделать его похожим на другие общества, выступающие в качестве целевого образца, либо, наоборот, обосновать неустраимые отличия этого общества от целевых, в силу своей уникальности тоже освобождающие от необходимости его понимания в сравнительно-исторической перспективе. Поэтому представленная в нейтральном виде идея модерности как модернизации, как постоянного достижения все более современного состояния является аналогом *бесконечного тупика* для общества, лишенного утопий, выходящих за рамки экономического (капитализм) или культурного (цивилизация) детерминизма.

Но если капитализм, легитимирующий его либеральный консенсус и нация-государство как доминирующий формат их синтеза являются ценностно-институциональной квинтэссенцией политического порядка Модерна, то именно вызовы свободным рынкам, либерализму и национализму суть наиболее очевидный способ кристаллизации революционных движений. В позднемодерных обществах на фоне нарастающей стагнации такого рода вызовы и соответствующие им идеологические/утопические проекты все в меньшей мере детерминированы экономически. Географическое и технологическое расширение капиталистической миросистемы в период *славного тридцатилетия* (1945—1975 гг.) позволяло сглаживать внутренние классовые противоречия путем внерыночного регулирования и компенсации издержек капитализма в виде *социального государства* и расширяющегося *среднего*

класса. В условиях приостановки экономического роста, роботизации и падения влияния *людей труда* подобные стабилизаторы перестают компенсировать растущие издержки и внеэкономические вызовы капитализму, связанные с увеличением числа безработных и прекариата, а также снижением способности государств выполнять для указанных слоев защитную функцию.

Еще в 1964 г., в «Одномерном человеке», Герберт Маркузе констатировал, что «под консервативно настроенной основной массой народа скрыта прослойка отверженных и аутсайдеров, эксплуатируемых и преследуемых представителей других рас и цветов кожи, безработных и нетрудоспособных. Они остаются за бортом демократического процесса, и их жизнь являет собой самую непосредственную и реальную необходимость отмены невыносимых условий и институтов. Таким образом, их противостояние само по себе революционно, пусть даже оно ими не осознается»²⁴. И сегодня, спустя более полувека после написания этих слов, внутри глобального Модерна продолжают вызревать социальные силы, стремящиеся взорвать его во имя тех или иных альтернатив. Это широкий спектр радикальных движений (фундаменталисты, альтерглобалисты, анархисты, новые луддиты и т.д.), как правило конструирующих не столько инварианты маркузеанского *великого отказа*, сколько собственные идейные ниши в виде частных утопий, направленных на решение отдельных проблем и противоречий современного общества.

Так, Джеймисон не идет дальше *когнитивного картографирования*, которое призвано дать *прогрессивному классу* продуктивный взгляд на истинное состояние общества в условиях глобального капитализма, перспективу, не замутненную конформистской логикой постмодернизма²⁵. Майкл Хардт и Антонио Негри отказываются от стратегии мирового революционного процесса в пользу локального революционного действия. Однако вопрос о социальной базе *множественного* и *локального* революционного субъекта, который мог бы противостоять политическому порядку капитализма, остается открытым, ведь со времен фабричного капитализма классический человек труда трансформировался и растратил революционный потенциал: «мирового революционного цикла, основанного на коммуникации и переводе общих желаний рабочих на язык восстания, больше не существует»²⁶.

Отдельную проблему составляет осмысление потенциала революционных субъектов в политическом проекте Модерна. Способны ли они предложить принципиально новые пути выхода из этого проекта, или их функция сводится к радикализации революционных импульсов, имманентно присущих Модерну? Последнее означает отсутствие фундаментальной альтернативы Модерну, что позволяет включить революционеров в этот политический проект в качестве его институциональных и интеллектуальных катализаторов, благодаря которым он может эволюционировать в соответствии с запросами меняющихся конфигураций социальных групп. Примечательно, что многие из субъектных социальных групп перманентно борются именно за включение в Модерн, поскольку

²⁴ Маркузе 1994: 335—336.

²⁵ Jameson 1988: 347—358.

²⁶ Хардт и Негри 2004: 63.

полностью или частично находятся за его пределами (в том числе потому, что он изначально запрограммирован на культурное и экономическое исключение части общества, даже если отрицает это на нормативном уровне). И их утопии расположены *внутри* Модерна, представляя собой его идеализированную версию, более универсальную, чем реализуемая *de facto*. Более того, исторически Модерн не приходит для всех сразу, а сначала является достоянием относительно узких социальных групп, не все из которых заинтересованы в *свободном доступе* для большинства.

Парадокс заключается в том, что глобальному, второму (то есть позднему) Модерну угрожают не столько новые революционные субъекты, сколько их исчерпание, которое может лишить его потенциала критической рефлексии и дальнейшего развития на основе выявленных противоречий. Все новейшие активные *множества* и меньшинства, которых прочили в новые революционные субъекты, будь то креативный класс, маркузеанские маргиналы или прекариат, оказались неспособны генерировать универсальные альтернативы политическому порядку Модерна. Их возможные стратегии в условиях затухания глобального экономического роста и стагнации свободных рынков все чаще сводятся к переделу пирога, а не к его увеличению. Это выражается в разнообразных пассивных ренитоориентированных коллективных практиках, поддерживаемых популистским дискурсом. Набирают популярность стратегии ограничения ресурсов и возможностей для все более широкого круга социальных групп, к числу которых традиционно относятся мигранты, беженцы, неграждане, безработные и т.д. Левые версии политического протеста апеллируют к идее гарантированной ренты, социальной политики, обеспечивающей минимальные стандарты достойной жизни в виде безусловного базового дохода. Проблема в том, что упомянутые выше субъекты, типы и направления социального экспериментирования ограничены и локальны. Они не нацелены на революционную переделку социально-политического устройства современных обществ. Их логика скорее адаптивна и подвижна желанием комфортно приспособиться к новому общественному состоянию нерыночного Модерна. Бенефициарами легитимирующей модели либеральных рыночных демократий в центре мироэкономики являются немногие общества, преимущественно западные, и их пул не демонстрировал в последние десятилетия тенденции к расширению. Более того, под давлением фоновых факторов затухания экономического роста и движения к обществу без массового труда даже развитые социумы все чаще испытывают те же внутренние противоречия, что и остальной мир. В контексте подобной эволюции структуры экономики либерально-рыночные демократии перестают обнаруживать качественные отличия от прочих современных обществ, а тем более выступать желаемым образцом социально-политического и экономического институционального дизайна на фоне все возрастающего числа вполне успешных незападных и нелиберальных обществ.

Представляется, что в условиях распада западнцентричной модели глобального политического порядка будет усиливаться культурная детерминация групповых интересов и коллективных действий, значение социального статуса и социального капитала его участников. Однако партикулярность критики Модерна сама по себе представляет серьезную проблему. Политические ультрарадикальные проекты не позволяют выйти на тотальную альтернативу Модерну, фактически замещая ее дискурсом справедливости, восстанавливающим баланс интересов, или дискурсом *ремонта* Модерна, в итоге лишь укрепляя политический порядок, постоянно инкорпорирующий разнообразные движения в мейнстрим и периодически удовлетворяющий протестные требования. Если революция существенно затрагивает или меняет жизнь большинства, то в последнее время область подобных изменений все реже относится непосредственно к политике. В рамках позднего Модерна конфликтный революционный потенциал общества все чаще подпитывают эффекты реализации неполитических частных утопий, например биомедицинского или технического прогресса, замещающего людей в производственном процессе, когда способность к труду перестает быть ключевым ресурсом большинства населения, автоматически открывающим доступ к различным благам. Технологические новации, резкое увеличение продолжительности жизни, а соответственно, числа инвалидов и стариков, безусловный базовый доход, неограниченные источники энергии, управляемые биомутации могут иметь неожиданные политические последствия, вполне сопоставимые по своему влиянию на трансформацию политического порядка и принципов его стратификации с классовой революцией.

Революция и поиск утопий

Революции связаны с утопическими дискурсами, принадлежащими социальным силам, которые хотели бы расширить свои права и возможности, получив контроль над собственной судьбой. Вызовы самореферентным системам черпают поддержку в новых утопиях, в представлениях о том, какими могут быть общество и человек в случае реализации предлагаемых изменений. Господствующий в обществе дискурс неизменно нацелен на сохранение имеющегося политико-экономического порядка и приостановку принципиального социального реформирования и экспериментирования. Мало того, в условиях позднего Модерна утопическое измерение испытывает все большие сложности в сравнении с альтернативами, апеллирующими к прошлому или настоящему. Будущее становится все более смутным и неубедительным, как и оправдывающие его нарративы. В результате оказывается, что «революция в привычном понимании более невозможна, так как отсутствуют интенции разрыва с прошлым и прорыва в будущее, динамичность подозрительна, а насилие недопустимо»²⁷.

²⁷ Пучков 2017.

Проблема возможности новой революции не только в том, что ценность порядка/стабильности почти всегда превосходит по значимости

ценность перемен. Она заключается в поиске привлекательной для активных социальных сил альтернативы, которая влекла бы сознательный отказ от доминирующего в той или иной версии либерального консенсуса Модерна. Альтернативы ему в настоящее время, как правило, сводятся к частичным утопиям, где вместо признания и обсуждения реальных социально-экономических проблем, конфликтов и интересов происходит их мифологизация — например, в виде рассуждений о *духовных скрепах*, или призывов к переделу общественных иерархий и ресурсов в пользу тех или иных меньшинств, или требований разрушения социального порядка, которые часто исходят от партикулярных и периферийных социальных сил и фактически становятся самоцелью в условиях смутно представляемого *иного будущего*, отличного от настоящего. Все это приводит не столько к преодолению Модерна, сколько к различным откатам от него, к усилению дискурсов *ремонта* и *передела*, к архаизации и укреплению до- и антимодерных ценностей, практик и институтов, особенно сильных в обществах, дрейфующих от центра капиталистической мироэкономики к ее периферии. Подобные политические течения вписываются в логику скорее радикальной реакции, нежели консервативной революции, меняя лишь состав элит, но оставляя привычные структуры неравенства²⁸.

²⁸ Завалько 2013: 33.

Вопрос о глобальном субъекте революционных изменений общества позднего Модерна и его моральных преимуществах перед гегемонами тоже остается непроясненным. Отрицание политического порядка выливается в трансцендирование самого акта культурного отказа от него или его революционного слома. Несмотря на растущую социальную базу революционного запроса, идейные обоснования освобождения человечества от нормативного порядка Модерна не обрели системного характера. Способность ультрарадикальных движений к организации планомерного коллективного действия в условиях кризиса классовой субъектности и общего ослабления политической субъектности в обществе потребления вызывает серьезные сомнения. Отказ от идеологических метанарративов, классовой борьбы и даже более размытой культурной гегемонии в пользу того, что Шанталь Муфф называет *агонистической демократией*²⁹, фактически растворяет политического субъекта в культурном дискурсе, лишает его исходной политической онтологии. И здесь закономерно возникает другой вопрос: как вообще возможно постмодерное общество, каковы его социальные регуляторы? Ведь с точки зрения механизмов культурного доминирования поздний Модерн предполагает эффективное смешение и эклектизацию всего предшествующего идейного наследия. Поздний капитализм довольно успешно проникает в сферу внеэкономических регуляторов (таких, как мораль, право, искусство, политика), которые могли бы производить альтернативные некапиталистические иерархии и порядки для совместной жизни людей, и коммодифицирует их.

²⁹ Mouffe 2000.

В пользу политического порядка позднего Модерна (на фоне слабых альтернатив) имеется сильный практический довод: никогда в истории

³⁰ Джеймисон 2015.

большинство людей не обладало такими возможностями и индивидуальной свободой, как сегодня. Поэтому современные революционеры проигрывают борьбу за интерпретацию природы человека, за нормативные представления о целях человеческого существования³⁰. Новым утопиям в области политического воображения становится все сложнее оспорить капиталистический порядок с развитой культурой потребления, призвать к коллективным политическим действиям. Наконец, прогрессирующая стагнация глобального капитализма парадоксальным образом порождает запрос на расширение дисциплинарных, регулятивных функций наций-государств как противовеса растущему недовольству трансформацией капиталистической мирозкономики, сопряженной с ростом безработицы, прекарризацией рынка труда, усилением разнообразных форм географического и социального неравенства.

³¹ Турен 2014: 99.

Таким образом, наиболее значимые угрозы политическому порядку Модерна генерирует он сам. Как отмечает Ален Турен, «западная модернизация — сначала европейская, а затем и американская — веками поддерживала убеждение, будто бы она — не что иное, как современность в действии, а ее цель — не эффективная мобилизация ресурсов, но замена обычаев разумом»³¹. В действительности же универсальный разум в политике оказался невозможен, распавшись на конфликтующие и классово ангажированные свои версии. На фоне кризиса экономических классов и инструментального разума идеи всеобщности, универсальности, справедливости и прогресса на новом витке глобализации вновь связываются с политическими нациями, в то время как глобальный Модерн сталкивается со все более неразрешимыми противоречиями. В результате будущая революция может стать своего рода итогом исчерпания возможностей коммуникации и диалога ключевых общественных субъектов: «революция начинается с отрицания другого и заканчивается с распадом или разрушением отрицающего, и последовать за этим могут только хаос или абсолютная власть»³².

³² Там же: 112.

**Рентная
трансформация
позднего Модерна:
неревolutionная
перспектива?**

Перспектива активного, в том числе революционного, возвращения народов к прямому участию в истории и своей коллективной судьбе в ситуации позднего Модерна остается довольно зыбкой. Когда массовая апатия шизофренического потребительского субъекта совмещается с бесконечной модернизацией как способом существования в Модерне, революционная утопия уходит с исторического горизонта. Мировой кризис, который охватил бы множество современных обществ и запустил неконтролируемые события, представляется крайне маловероятным, а его генезис из противоречий капитализма, существующего уже 500 лет, — весьма сомнительным, хотя соответствующие прогнозы выдаются с завидным постоянством³³.

³³ Дерлугьян (ред.) 2015.

Безусловно, политические потрясения, экономические кризисы, цветные революции и внутриэлитные перевороты воспроизводятся в виде самокоррекции политического проекта Модерна на уровне его

национальных импликаций. Однако революция как полномасштабное преобразование позднемоделного общества предполагает глобальную политическую субъектность и координацию, способную институционализировать революционные сдвиги. Это требует достройки актуальной мироэкономики до будущей мирополитики, которая в настоящее время находится в зачаточном состоянии, будучи движима не более чем интересами и коалициями ведущих национальных государств. Подобное историческое отставание мирополитики на фоне повсеместной приостановки интеграционных политических процессов, с одной стороны, провоцирует поиск путей решения всеобщих экономических проблем в рамках *национальных квартир*, с другой — препятствует формированию транснациональных субъектов революционных преобразований. Поэтому движущие силы революции все меньше связаны с перестройкой социально-экономической структуры конкретных обществ и все больше — с общезначимыми фоновыми факторами, которые обуславливают невозможность дальнейшего существования политического порядка современных обществ в различных сферах.

Представляется, что серьезную коррекцию политического порядка современных обществ способна произвести усиливающаяся рентная трансформация капитализма и социальной структуры. По своим глобальным социально-политическим последствиям, сопряженным с преобразованием ценностно-институционального ядра современных обществ, происходящий на наших глазах *рентный поворот* может оказаться в историческом плане не менее фундаментальным, чем буржуазные революции.

Глобальное исчерпание рыночной модели развития, ориентированной на бесконечное наращивание прибыли, очерчивает контуры будущего общества без экономического роста³⁴. Роботизация наполняет это общество *лишними людьми*, одновременно превращая их в опасные классы (прекариат, безработные, разнообразно исключенные меньшинства, находящиеся в *слепой зоне* публичной политики или откровенно игнорируемые государством)³⁵. Обнаружение ресурсных пределов свободных саморегулируемых рынков влечет за собой рост протекционизма, национализма, усиление тенденций к замене механизмов рыночной конкуренции силовым переделом рынков и ресурсных цепочек. В формирующемся обществе без массового труда, массовых налогоплательщиков и прибыльного капитала обостряется кризис модели социального государства, истощению ресурсной подпитки которого сопутствует рост зависимых от государства групп. В результате складывается рентный политический порядок, когда рыночные коммуникации вытесняются иерархическими моделями дистрибутивных обменов, контролируемых государством. Социальная стратификация все сильнее зависит не от рыночного образования классов, а от доступа граждан и социальных групп к распределяемым общественным ресурсам, порождая естественное доминирование рентоориентированного поведения³⁶. Ориентация на поиск гарантированных статусных рент все чаще становится более прибыльной стратегией, чем рисковая

³⁴ *Policy Challenges* 2015.

³⁵ *Форд* 2016.

³⁶ *Фишман, Мартыанов и Давыдов (ред.)* 2019.

предпринимательская деятельность или стремление занять выгодные позиции на сжимающемся рынке труда.

Глобальный дрейф к модели рентного общества обусловлен тем, что государство начинает в большей степени, чем раньше, заниматься прямым перераспределением ресурсов, минуя саморегулируемый рынок. Ее особенность заключается в том, что за доступ к ресурсам конкурируют уже не столько экономические классы, сколько *этактистские сословия*. Конкуренция осуществляется по критериям не рыночной ценности ресурсов граждан, а их полезности для государства. В модели рентной демократии успехом является повышение статуса социальной группы как условие расширения ресурсного доступа. Однако, решая накопившиеся структурные противоречия и формируя новые влиятельные социальные группы, рентная трансформация порождает ростки противоречий между сословно-рентным ядром общества и отодвинутыми на его периферию рыночными группами, ориентированными на идею прогресса. Все это готовит почву для появления новых факторов, провоцирующих революционное переформатирование современного политического порядка, прежде всего за пределами центра мироэкономики, где большинству населения приходится сталкиваться преимущественно с издержками и негативными эффектами рынка.

Таким образом, наибольшим актуальным вызовом для сложившихся механизмов балансирования коллективных интересов является арханизация или симуляция Модерна, когда неопатримониальные версии политического порядка вновь объединяют власть, закон и собственность. Революционная ситуация возникает тогда, когда в условиях исчерпания модели массового труда Модерн для слишком многих превращается в *несовременность*, неспособную реагировать на постоянно возникающие вызовы и угрозы изменчивого современного общества³⁷. Это политический режим, стремящийся сохранить в неизменности сложившийся порядок, в том числе за счет подмораживания *текущей современности*³⁸ (что заведомо невозможно) и ригидности институтов, изменить которые можно, как правило, только революционным путем³⁹. Поэтому вероятность революции всегда выше на периферии глобальной миросистемы, где современные общества располагают более скромными ресурсными возможностями и демонстрируют меньшую способность к постоянным и тонким социокультурным настройкам, нежели страны ее центра.

³⁷ Фишман 2017.

³⁸ Термин Зигмунта Баумана (см. Бауман 2008).

³⁹ Дерлугьян 2006.

Триггеры новой революции/ эволюции

На роль революционных субъектов претендуют различные социальные группы, но их способность сформулировать интеллектуальную альтернативу Модерну остается сомнительной. Утопического системного вызова Модерну, связанного с морально более оправданной конфигурацией и иерархией легитимного насилия, пока не просматривается. Как уже отмечалось, в перспективе серьезную (и, возможно, революционную) коррекцию современного политического порядка может произвести рентная трансформация рыночных обществ в общества без

массового труда и экономического роста. В условиях нарастающей глобальной турбулентности, усиленной пандемией, новое социально-политическое устройство, его принципы, институты и приоритеты становятся предметом принципиальных дискуссий.

Как ни парадоксально, но пандемия коронавируса, выступившая неожиданным катализатором накопленных экономических и социально-политических проблем, не выявила значимых революционных слоев и групп капиталистической миросистемы. Ни ужесточение дисциплинарного контроля государства, ни свертывание гражданских свобод, ни критическая приостановка многих видов экономической активности не привели к революционным всплескам, подтверждая, что, даже потеряв важную часть фундамента в виде идеи бесконечного рыночного роста и прогресса, политический проект глобального Модерна остается безальтернативным и по-прежнему способен генерировать принципы общественного согласия. Но эти принципы неизбежно перестают следовать рыночным метафорам, демонстрируя коммунитарный поворот и возвращение к приоритету политических решений над любыми логиками, исходящими из экспансионистской модели *homo economicus*.

Это означает неотвратимый возврат к консолидированному проблемному полю политической экономии, от которого экономическая мысль нелиберального мейнстрима тщетно пыталась обрести автономию. В позднемодерном обществе с его более медленными социальными изменениями и незначительным экономическим ростом наиболее острой политической проблемой становится вопрос об общественных ресурсах, которые могут распределяться как относительно эгалитарно, по модели безусловного базового дохода, так и концентрироваться в руках немногих, в соответствии с логикой рыночной саморегуляции.

Нарастающая глобальная стагнация не обнаружила ни значимых классовых конфликтов в духе марксистской теории революции, ни серьезных дисфункций государства, которым отводится роль триггеров революции в структурно-функциональных концепциях революционного процесса. Исчерпано и демографическое давление, служившее спусковым крючком революций в перенаселенных аграрных обществах. В результате поздний Модерн утрачивает качества текучести, турбулентности и радикальности, которые не так давно приписывали ему ведущие социально-политические теоретики⁴⁰. Политический порядок позднего Модерна обретает новый баланс коллективных интересов, возможностей и ресурсов, который иерархически выстраивается в современных обществах на альтернативных рыночным и демократическим основаниях. При этом социальная стратификация, фиксирующая контуры движения современных обществ от рыночного к рентному институциональному порядку, не обнаруживает *восходящих классов* как социальных сил, которые могли бы предложить обществу новые политические утопии.

⁴⁰ См. Rosenau 1990; Giddens 1991; Бауман 2008.

Наоборот, в сложившейся социокультурной и экономической ситуации происходит если не полная утрата, то серьезное падение военного, трудового и политического значения большинства граждан для воспроизводства общества. Парадокс в том, что именно рыночная экономика на закате Модерна превращается в экономику *смерти труда*, исключая людей из производственных цепочек и генерирующую постоянно растущее число *мусорных работ*, имеющих все меньшее отношение к удовлетворению насущных человеческих потребностей. В условиях развертывающейся на наших глазах правой трансформации, понижающей политическую и экономическую роль большинства и тем самым девальвирующей ценности демократии, социального государства и индивидуальной автономии, вернуть гражданам их значимость и полезность для общества в нетрудовой и невоенной перспективе — задача любого потенциального левого поворота. Актуальный *рентный поворот* легитимирует последовательный, хотя и во многом негативный глобальный политический ответ на этот вызов в виде отказа от деформированного и угасающего рынка и *мертвого труда*. Ключевой проблемой в среднесрочной перспективе будет дальнейшая эволюция рентного общества — станет ли оно позитивным преодолением общества Модерна либо окажется лишь инструментальным звеном в переходе к совсем иному состоянию.

Заключение

Революция и политический проект Модерна порождают и объясняют, отрицают и легитимируют друг друга. Революция в своем движении выходит за рамки любого предшествующего ей теоретического обоснования. Коллективный праксис опережает устаревшие социальные онтологии и категориальные аппараты их описаний, отодвигая их в пользу утопического *воображаемого установления общества* (Корнелиус Касториадис⁴¹), постепенно обрастающего новым институциональным каркасом и легитимирующими самоописаниями. Для того чтобы революция состоялась, политика должна занять центральное место в общественной жизни, а политические вопросы — стать вопросами жизни и смерти.

⁴¹ Касториадис 2003.

Революция и Модерн выходят на историческую сцену одновременно и не могут быть сведены к единому метаоснованию. Это два основания легитимирующей антиномии, не поддающиеся гегелевскому синтезу, и в этом суть Модерна как *незавершенного* политического проекта. На этом предельном уровне обобщения отсутствуют возможности для диалектики Модерна/революции, аналогичной противопоставлению труда и капитала, которое воплощается в понятии товара. Революция и Модерн не могут быть в полной мере интеллектуально схвачены автономно друг от друга. Это понятия, которые структурно подразумевают друг друга в виде ключевого и неразрешимого противоречия современной политики, поскольку революция обещает стать новым общественным состоянием, а политической порядок Модерна может возникнуть, лишь приостановив революцию, лежащую в его основе. Но и наши представления

о революции, о том, какой она должна быть, о ее роли в истории непрерывно переформируются с точки зрения современного политического порядка. Это соотношение революции и Модерна во многом изоморфно релятивному соотношению идеологий и утопий у Карла Мангейма⁴², когда реализации утопии превращает ее в идеологию, а та является профанизированной (воплощенной) утопией. Многое определяется системой координат, из которой мы наблюдаем эти взаимные трансформации. Закономерно ожидать, что конец эпохи Модерна будет вместе с тем и концом революции в привычном для нас понимании как способа установления и формы существования современного политического порядка. И глобальный *рентный поворот* может стать растянутым финальным аккордом этого порядка, теряющего свои массовые рыночные (с точки зрения онтологии), демократические (с точки зрения легитимации) и национальные (с точки зрения политической формы) основания.

⁴² См. Мангейм 1994.

Библиография

- Анкерсмит Ф. (2004) «Репрезентативная демократия: Эстетический подход к конфликту и компромиссу» // *Логос*, № 2: 15—40.
- Арендт Х. (2011) *О революции*. М.: Европа. URL: http://www.al24.ru/wp-content/uploads/2014/12/%D0%B0%D1%80%D0%B5_1.pdf (проверено 20.04.2020).
- Бауман З. (2008) *Текущая современность*. СПб.: Питер.
- Бляхер Л.Е. и Г.Э.Говорухин. (2006) «Революция как „блуждающая метафора“: семантика и прагматика революционного карнавала» // *Полис. Политические исследования*, № 5: 58—74. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2006/5/Polis-2006-5-Blyakher.pdf> (проверено 20.04.2020).
- Валлерстайн И. (2003) *После либерализма*. М.: Едиториал УРСС.
- Голдстоун Дж. (2015) *Революции: Очень краткое введение*. М.: Изд-во Института Гайдара. URL: <http://dontsov-nic.com.ua/wp-content/uploads/2018/02/Holdstoun-D.-Revoluytsyy.-Ochen-kratkoe-vvedeniye.-2015.pdf> (проверено 20.04.2020).
- Дерлугьян Г. (2006) «Кризисы неовотчинного правления» // *Логос*, № 6: 154—160. URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos_05_2006/derlugian_154-160_logos.pdf (проверено 20.04.2020).
- Дерлугьян Г., ред. (2015) *Есть ли будущее у капитализма?* М.: Изд-во Института Гайдара.
- Джеймисон Ф. (2015) «Удовольствие: политический вопрос» // *Логос*, № 1: 1—22. URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos/2015_01/103_1.pdf (проверено 20.04.2020).
- Завалько Г.А. (2013) «Изучение революции в эпоху реакции» // *Альтернативы*, № 4: 28—51. URL: <http://www.intelros.ru/pdf/alternativa/2013/04/04.pdf> (проверено 20.04.2020).
- Капустин Б.Г. (2010а) «О предмете и употреблении понятия „революция“» // Капустин Б.Г. *Критика политической философии: Избранные эссе*. М.: Территория будущего: 118—172. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2010/03/05/1211344593/Kapustin.pdf> (проверено 20.04.2020).

Капустин Б.Г. (20106) «Современность» // *Новая философская энциклопедия*: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль: 587—588.

Капустин Б.Г. (2015) «О понятии „революция“» // *Революция как концепт и событие*. М.: ЦИУМиНЛ: 6—31. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/Revolution_2015.pdf (проверено 20.04.2020).

Каспэ С. (2020) «Свет и власть: Паноптикон как политическая форма и ее вариации» // *Социологическое обозрение*, № 1: 9—34. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2020/03/30/1552693370/SocOboz_19_1_9-34_Kaspe.pdf (проверено 20.04.2020).

Касториадис К. (2003) *Воображаемое установление общества*. М.: Гносис; Логос.

Кондорсе Ж.А. (2011) *Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума*. М.: Либроком.

Луман Н. (2006) *Дифференциация*. М.: Логос.

Мангейм К. (1994) «Идеология и утопия» // Мангейм К. *Диагноз нашего времени*. М.: Юрист: 7—276.

Маркузе Г. (1994) *Одномерный человек*. М.: REFL-book.

Мартьянов В.С. (2012) «После постмодернизма» // *Вестник НГУ. Серия: Философия*, т. 10, № 3: 64—73.

Ортега-и-Гассет Х. (2016) «Закат революций» // *История философии*, т. 21, № 2: 132—146. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/z92coyjlak/direct/195134912> (проверено 20.04.2020).

Пучков П. (2017) *Современные «революции» / Революция и Современность*. URL: <http://gefter.ru/archive/21809> (проверено: 20.04.2020).

Скочпол Т. (2017) *Государства и социальные революции: Сравнительный анализ Франции, России и Китая*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Тилли Ч. (2009) *Принуждение, капитал и европейские государства: 990—1992 гг.* М.: Территория будущего. URL: https://socioline.ru/files/5/316/tilli_3.pdf (проверено 20.04.2020).

Турен А. (2014) «Идея революции» // *Социологическое обозрение*, т. 13, № 1: 98—116. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2014/04/29/1322730913/SocOboz_13_1_05_Touraine.pdf (проверено 20.04.2020).

Филиппов А. (2006) «Триггеры абсолютных событий» // *Логос*, № 5: 104—117. URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos_05_2006/filipov_104-117_logos.pdf (проверено 20.04.2020).

Фишман Л.Г. (2017) «Российская государственность: в тени отсроченной революции?» // *Антиномии*, т. 17, № 3: 37—50. URL: https://www.ifp.uran.ru/netcat_files/653/696/938f0289395b95570de1d80c26cef208 (проверено 20.04.2020).

Фишман Л.Г., В.С.Мартьянов и Д.А.Давыдов. (2019) *Рентное общество: В тени труда, капитала и демократии*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Форд М. (2016) *Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы*. М.: Альпина нон-фикшн.

Хардт М. и А.Негри. (2004) *Империя*. М.: Праксис. URL: <http://www.marxex.ru/lit/hardt-negri-imperiya.pdf> (проверено 20.04.2020).

Эйзенштадт Ш. (1999) *Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций*. М.: Аспект Пресс.

Baudrillard J. (1985) «Modernité» // *Encyclopaedia Universalis*. Vol. 12. Paris: Encyclopaedia Universalis: 424—426.

Giddens A. (1991) *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press.

Jameson F. (1988) «Cognitive Mapping» // Nelson C. and L. Grossberg, eds. *Marxism and the Interpretation of Culture*. Urbana, Chicago: University of Illinois Press: 347—358.

Mouffe Ch. (2000) *The Democratic Paradox*. London, New York: Verso.

Policy Challenges for the Next 50 Years. (2015) URL: <http://www.oecd.org/economy/Policy-challenges-for-the-next-fifty-years.pdf> (accessed on 20.04.2020).

Rosenau J.N. (1990) *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity*. Princeton: Princeton University Press.

Wight C. (2006) *Agents, Structures and International Relations: Politics as Ontology*. New York: Cambridge University Press.

V.S.Martianov

MODERNITY AND REVOLUTION

Victor S. Martianov — Ph.D. in Political Science; Acting Director of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg). Email: martianovy@rambler.ru.

Abstract. Revolution is simultaneously a legitimizing and deniable center of the ideological coordinates of Modernity. In terms of the speed of social changes, the historical evolution of Modernity from an early industrial, class-national political form to a recent, or global, state, should be described as nothing else but a *revolution of low intensity*. On the other hand, this permanent modernization is not revolutionary in a sense that periodic splits of elites, elite coups, national liberation movements etc. by themselves do not imply fundamental changes in the value-institutional constitution of the modern political order. Therefore, the possibility of a new revolution is due to the potential rejection of contemporary society from Modernity in favor of an alternative political project that surpasses the current configuration of social forces in terms of its ability to provide political legitimization, universalization and totalization. If capitalism, liberal consensus, and nation-state as the dominant format for their synthesis are the value-institutional quintessence of the political order of Modernity, then it is the challenges to free markets, liberalism and nationalism that will be the most obvious way

to crystallize revolutionary movements. Currently, despite postmodern and neoliberal criticism of the liberal consensus, growing populism, the obvious limits of the market model of capitalism, flaws in a representative democracy, the weakening of the social state and other challenges to the political order of the late Modernity, it is about the internal transformations of modern societies rather than a full-fledged alternative to this order. In the long run, the increasing “rentier” reshuffling of capitalism might lead to a serious and, possibly, revolutionary, correction of Modernity.

Keywords: revolution, political order, Modernity, world economy, political subject, consensus, rentier society

References

- Ankersmit F. (2004) “Reprezentativnaja demokratija: Esteticheskij podkhod k konfliktu i kompromissu” [Representational Democracy: An Aesthetic Approach to Conflict and Compromise] // *Logos*, no. 2: 15–40. (In Russ.)
- Arendt H. (2011) *O revoljutsii* [On Revolution]. Moscow: Evropa. URL: http://www.al24.ru/wp-content/uploads/2014/12/%D0%B0%D1%80%D0%B5_1.pdf (accessed on 20.04.2020). (In Russ.)
- Baudrillard J. (1985) “Modernité” // *Encyclopaedia Universalis*. Vol. 12. Paris: Encyclopaedia Universalis: 424–426.
- Bauman Z. (2008) *Tekuchaja sovremennost'* [Liquid Modernity]. St Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Blyakher L.Ye. and G.E.Govorukhin. (2006) “Revoljutsija kak „bluzhdajushchaja metafora“: semantika i pragmatika revoljutsionnogo karnavala” [Revolution as a “Roving” Metaphor: Semantics and Pragmatics of Revolutionary Carnival] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Political Studies], no. 5: 58–74. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2006/5/Polis-2006-5-Blyakher.pdf> (accessed on 20.04.2020). (In Russ.)
- Castoriadis C. (2003) *Voobrazhaemoe ustanovlenie obshchestva* [L'Institution imaginaire de la société]. Moscow: Gnosis; Logos. (In Russ.)
- Condorcet J.A. (2011) *Eskiz istoricheskoy kartiny progressa chelovecheskogo razuma* [Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain]. Moscow: Librokom. (In Russ.)
- Derluguian G. (2006) “Krizisy neovotchinogo pravlenija” [Derlugyan G. Crises of Neopatrimonial Government] // *Logos*, no. 6: 154–160. URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos_05_2006/derlugian_154-160_logos.pdf (accessed on 20.04.2020). (In Russ.)
- Derluguian G., ed. (2015) *Est' li budushchee u kapitalizma?* [Does Capitalism Have a Future?]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)
- Eisenstadt S. (1999) *Revoljutsija i preobrazovanie obshchestv: Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsij* [Revolution and Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations]. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)
- Filippov A. (2006) “Triggery absoljutnykh sobytij” [The Triggers of Absolute Events] // *Logos*, no. 5: 104–117. URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos_05_2006/filipov_104-117_logos.pdf (accessed on 20.04.2020). (In Russ.)

Fishman L.G. (2017) “Rossijskaja gosudarstvennost’: v teni otsrochennoj revoljutsii?” [Russian Statehood: in Shadow of Delayed Revolution?] // *Antinomii* [Antinomies], vol. 17, no. 3: 37–50. URL: https://www.ifp.uran.ru/netcat_files/653/696/938f0289395b95570de1d80c26cef208 (accessed on 20.04.2020). (In Russ.)

Fishman L.G., V.S.Martianov, and D.A.Davydov, eds. (2019) *Rentnoe obshchestvo: V teni truda, kapitala i demokratii* [Rental Society: In Shadow of Labor, Capital, and Democracy]. Moscow: Izdatel’skij dom Vysšej shkoly ekonomiki. (In Russ.)

Ford M. (2016) *Roboty nastupajut: Razvitie tekhnologii i budushchee bez raboty* [Rise of the Robots: Technology and the Threat of a Jobless Future]. Moscow: Al’pina non-fikshn. (In Russ.)

Giddens A. (1991) *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press.

Goldstone J. (2015) *Revoljutsii: Ochen’ kratkoe vvedenie* [Revolutions: A Very Short Introduction]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. URL: <http://dontsov-nic.com.ua/wp-content/uploads/2018/02/Holdstoun-D.-Revoljutsyy.-Ochen-kratkoe-vvedenye.-2015.pdf> (accessed on 20.04.2020). (In Russ.)

Hardt M. and A.Negri. (2004) *Imperija* [Empire]. Moscow: Praxis. URL: <http://www.marsexx.ru/lit/hardt-negri-imperiya.pdf> (accessed on 20.04.2020). (In Russ.)

Jameson F. (1988) “Cognitive Mapping” // Nelson C. and L.Grossberg, eds. *Marxism and the Interpretation of Culture*. Urbana, Chicago: University of Illinois Press: 347–358.

Jameson F. (2015) “Udovol’sstvie: politicheskij vopros” [Pleasure: A Political Issue] // *Logos*, no. 1: 1–22. URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos/2015_01/103_1.pdf (accessed on 20.04.2020). (In Russ.)

Kapustin B.G. (2010a) “O predmete i upotreblenijakh ponjatija „revoljutsija“” [On the Subject and Use of the Concept of “Revolution”] // Kapustin B.G. *Kritika politicheskoi filosofii: Izbrannye esse* [Critique of Political Philosophy: Selected Essays]. Moscow: Territorija budushchego: 118–172. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2010/03/05/1211344593/Kapustin.pdf> (accessed on 20.04.2020). (In Russ.)

Kapustin B.G. (2010b) “Sovremennost’” [Modernity] // *Novaja filosofskaja entsiklopedija: V 4 t.* [New Philosophical Encyclopedia: In 4 Volumes]. Vol. 3. Moscow: Mysl’: 587–588. (In Russ.)

Kapustin B.G. (2015) “O ponjatii „revoljutsija“” [On the Concept of “Revolution”] // *Revoljutsija kak kontsept i sobytie* [Revolution as a Concept and an Event]. Moscow: TsIUMiNL: 6–31. URL: https://iphras.ru/upfile/root/biblio/Revolution_2015.pdf (accessed on 20.04.2020). (In Russ.)

Kaspe S. (2020) “Svet i vlast’: Panoptikon kak politicheskaja forma i ee variatsii” [Light and Power: The Panopticon as a Political Form and Its Variations] // *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], no. 1: 9–34. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2020/03/30/1552693370/SocOboz_19_1_9-34_Kaspe.pdf (accessed on 20.04.2020). (In Russ.)

- Luhmann N. (2006) *Differentsiatsija* [Die Gesellschaft der Gesellschaft. Bd. 4]. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Marcuse G. (1994) *Odnomernyj chelovek* [One-Dimensional Man]. Moscow: REFL-book. (In Russ.)
- Mannheim K. (1994) “Ideologija i utopija” [Ideologie und Utopie] // Mannheim K. *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of Our Time]. Moscow: Jurist: 7–276. (In Russ.)
- Martianov V.S. (2012) “Posle postmodernizma” [After Postmodernism] // *Vestnik NGU. Serija: Filosofija* [Bulletin of NSU. Series: Philosophy], vol. 10, no. 3: 64–73. (In Russ.)
- Mouffe Ch. (2000) *The Democratic Paradox*. London, New York: Verso.
- Ortega y Gasset J. (2016) “Zakat revoljutsij” [El ocaso de las revoluciones] // *Istorija filosofii* [History of Philosophy], vol. 2, no. 2: 132–146. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/z92coyjlak/direct/195134912> (accessed on 20.04.2020). (In Russ.)
- Policy Challenges for the Next 50 Years*. (2015) URL: <http://www.oecd.org/economy/Policy-challenges-for-the-next-fifty-years.pdf> (accessed on 20.04.2020).
- Puchkov P. (2017) *Sovremennye “revoljutsii” / Revoljutsija i Sovremennost’* [Modern “Revolutions” / Revolution and Modernity]. URL: <http://gefter.ru/archive/21809> (accessed on 20.04.2020). (In Russ.)
- Rosenau J.N. (1990) *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity*. Princeton: Princeton University Press.
- Skocpol T. (2017) *Gosudarstva i sotsial’nye revoljutsii: sravnitel’nyj analiz Frantsii, Rossii i Kitaja* [States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)
- Tilly Ch. (2009) *Prinuzhdenie, kapital i evropejskie gosudarstva: 990–1992 gg.* [Coercion, Capital, and European States, AD 990–1992]. Moscow: Territorija budushchego. URL: https://socioline.ru/files/5/316/tilli_3.pdf (accessed on 20.04.2020). (In Russ.)
- Touraine A. (2014) “Ideja revoljutsii” [The Idea of Revolution] // *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], vol.13, no. 1: 98–116. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2014/04/29/1322730913/SocOboz_13_1_05_Touraine.pdf (accessed on 20.04.2020). (In Russ.)
- Wallerstein I. (2003) *Posle liberalizma* [After Liberalism]. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
- Wight C. (2006) *Agents, Structures and International Relations: Politics as Ontology*. New York: Cambridge University Press.
- Zavalko G.A. (2013) “Izuchenie revoljutsii v epokhu reaksii” [Studying the Revolution in the Era of Reaction] // *Al’ternativy* [Alternatives], no. 4: 28–51. URL: <http://www.intelros.ru/pdf/alternativa/2013/04/04.pdf> (accessed on 20.04.2020). (In Russ.)